

# ХРОНОТОП

---

## Л.И. Шестов как предтеча постмодернизма

*М.О. Пономарева*

*Вятский государственный гуманитарный университет, кафедра философии и социологии  
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26*

В статье рассматривается творчество Л.И. Шестова, но не в традиционном для него духе экзистенциализма, а с позиций постмодернизма. Производится сравнительный анализ идей Л.И. Шестова и западных постмодернистов, таких как Батай, Бодрийяр и Лиотар. Сравнения производятся на основе следующих произведений: «Апофеоз беспочвенности», «Афины и Иерусалим», «Внутренний опыт», «Соблазн», «Состояние постмодерна» и др. Автор хочет показать, что достаточно молодые постмодернистские идеи отнюдь не новы, а их истоки находятся в творчестве Л.И. Шестова, который аргументировано объявляется предтечей такого направления философии как постмодернизм.

Несмотря на значительные сходства философии Шестова с экзистенциальным учением, его творческие изыскания не укладываются в эти рамки, как в философском, так и в литературном выражении. Что есть его творчество по сути? Как и у всех писателей — монолог, направленный на встречу с читателем, потенциальный диалог. Но если всматриваться, приглядываться, читать между строк, то это откровение, это то, что происходит в каждом из нас, это выше и честнее, чем философский труд, или художественная литература, это «сердце» внутреннего мира. Его творчество — это не рассказ, роман или утопия, это здравые размышления, глубокие и животрепещущие, бунтующие и потаенные; чтобы понять его, нужно уметь мыслить в духе экзистенциализма.

Н.В. Мотрошилова в «Истории философии: Запад-Россия-Восток» отмечает, что русская философия словно «опережает события»: «Во фронтальной критике рационализма западной философии Нового времени правомерно усматривать третью особенность русской философии и предвосхищение ею антисциентистских, антирационалистических движений европейской мысли, оформившихся между двумя мировыми войнами. Сегодня, когда философия "постмодерна" пытается критически осмыслить суть "модерна" — культуры и философии Нового времени, — некоторые обращенные про-

тив модерна критические возражения объективно выглядят как повторение уже сказанного русскими философами»<sup>1</sup>. И я склонна относить Л. Шестова именно к такого рода философам. В его размышлениях сквозит идея веры, везде она проглядывает и смотрит на читателя в упор, и как только начинает читатель на нее смотреть, она вновь прячется за непредсказуемые, внезапно возникающие новые и новые проблемы. Что есть вера? Концепт. Чтоб познать ее, надо идти тернистыми путями, вот, кажется, ты ее уже и поймал, а она раскрывает новую дилемму, и пока не поймешь, как ее решить, к вере не подберешься, а поймешь — вот тебе еще одна, новенькая, свежая, снова сидишь и думаешь. Словом, зайти можно слишком далеко, а до истины, до истины веры, ты так и не доберешься, лишь приблизишься.

Человек никогда не узнает истину философии, он молод, чтоб понять ее сущность<sup>2</sup>, он сорвал райское яблоко и до сих пор разгадывает его свойства, погруженный в его мир, а мир изменчив, как и мировоззрение.

Постоянное стремление к невозможному и недостижимому, желание переступить черту, отделяющую сознательное от несознательного, запретное от дозволенного, присущее философии Шестова, последовательно анализируется в произведениях Ж. Батая, который описывает человека, обладающего мужеством для нарушения границ. Многие идеи Шестова можно определить как предпосылочные для постмодернизма, где они трансформируются в чисто формальные приёмы и получают в большей мере языковую, семантическую репрезентацию. Прежде всего, это интерес к разнообразным формам спонтанного жизненного опыта, отказ от претензий на чётко артикулированную истину, констатация несостоятельности глобальных претензий разума и реабилитация человеческой субъективности. Мыслители постмодернизма продолжают тенденцию, присутствующую в философском дискурсе Шестова, связанную с тотальной значимостью мира, с пониманием необходимости внепонятийной фиксации переживаемых состояний.

В своих произведениях Шестов выступает против догм, не случайно в скобках он указывает второе название к легендарному «Апофеозу...» — «опыт адогматического мышления». Догмами в философии, конечно, выступают истины, однако стоит заметить, что, например, Н. Бердяев, друг Л. Шестова, имел схожую с ним позицию, он не отрицает истины; «истины» присутствуют и у Достоевского, и у Розанова, и у ряда других писателей-экзистенциалистов. Но у Шестова мы не видим этих истин, «истины нет». Как же так? В эпоху русского экзистенциализма, да еще тогда, когда он носит явный религиозный характер, «истин нет»?

Следует сказать, что «адогматический» экзистенциализм Шестова был враждебен всякому учению и знанию вообще. Как религиозный мыслитель Шестов «застрял» где-то на перепутье, на своеобразном перекрестке, где сходились одновременно и религиозно-философский скептицизм, и вера Ветхого завета, и элементы христианства.

Проблема истины, в философии Шестова, пожалуй, одна из основополагающих, непременно, связана с проблемой разума. В «Апофеозе беспочвенности» философ противится абсолютному и конечному знанию, знанию, порожденному разумом: «Люди не любят признаваться в своих заблуждениях. Подлый разум, вопреки нашему желанию, подсовывает нам мнимые истины, от которых мы не умеем отделаться даже тогда, ко-

<sup>1</sup> История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 3: Философия XIX-XX вв. Под ред. Н.В. Мотрошиловой и А.М. Руткевича. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.Л. Шичалина, 1998. С. 248-285.

<sup>2</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)//Сочинения. М: Раритет, 1995.

гда замечаем их призрачность. Нужно, чтоб сомнение стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни. Ибо твердое знание есть условие несовершенного восприятия»<sup>1</sup>. Эта тема будет развиваться им в следующих работах, и в книге «Афины и Иерусалим», кстати, последней, выпущенной при жизни автора, достигнет своего апогея. В ней философ словно бы подытоживает все свои мысли, накопленные за 40 лет бесконечных исканий, Шестов выступает против «необходимости» Аристотеля, той, которая вплоть до наших дней является опорой человеческого мышления. Для аристотелевской необходимости момент истины наступает с приходом власти принуждения, но такое понимание со временем, с меняющимися условиями претерпевает существенные изменения, таким образом, что «принудительность становится сперва ненужной, обременительной, невыносимой, а потом и искажающей саму природу истины»<sup>2</sup>. Такая истина, т.е. «то, что есть, по нашим представлениям, высшего и лучшего, желанного на земле, пытается людей и превращает их в одаренные сознанием камни»<sup>3</sup>. Шестов выступает против авторитета разума: разум не может дать человеку метафизических истин, чтобы их получить, следует покинуть царство необходимости, ибо «они предполагают новое, не учитываемое обычно измерение»<sup>4</sup>. Те истины, которые порождает разум, — это «Justus titulus», законные основания, «сковавшие не только наше мышление, но и бытие наше»<sup>5</sup>. Всевластие разума превратило все учения философии из искания истины в назидания, отобрав свободу выбора. Поэтому Шестов становится на сторону Лютера, на сторону Иерусалима, где «истина нимало не похожа на аристотелевские, Спинозовские и Кантовские "всеобщие и необходимые суждения", где истина с необходимостью не имеет ничего общего»<sup>6</sup>, «источник истины там, где его меньше всего ждет человеческий разум... этот источник называется верой»<sup>7</sup>. Т.о., можно интерпретировать высказывание Шестова о том, что «истин нет», как невозможность существования истин разума, абсолютных истин; истина оказывается лишенной онтологического содержания.

Но все вышеупомянутые мысли Шестова, относящиеся к истинам, — это всего лишь экскурс в его «внутренний опыт», поэтому, если смотреть на его философские изыскания с позиций постмодернизма, то особенную значимость можно усмотреть в следующем афоризме из «Апофеоза беспочвенности»: «А потому перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше. Истины нет — остается предположить, что истина в переменчивых человеческих вкусах»<sup>8</sup>.

Не случайно я выбрала для рассмотрения именно этот афоризм. В нем просматриваются основные идеи постмодернистов. Так, если мы детально изучим последнее предложение: «истины нет — остается предположить, что истина в переменчивых человеческих вкусах», то оно заключает в себе два «пункта учения» постмодернизма:

Во-первых, в постмодернизме истин нет. «Постмодернисты стремятся показать реальную многоликость истины, множественность ее смыслов, не сводимых к какому-

---

<sup>1</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 229.

<sup>2</sup> Шестов Л.И. Афины и Иерусалим. М: АСТ; Хранитель, 2007. С. 56.

<sup>3</sup> Там же. С. 58.

<sup>4</sup> Там же. С. 59.

<sup>5</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 66.

<sup>6</sup> Шестов Л.И. Афины и Иерусалим. С. 161.

<sup>7</sup> Там же. С. 160.

<sup>8</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 241.

либо одному центрирующему знаменателю»<sup>1</sup>, их тексты просто вопиют: давайте раз-  
рушим Абсолютную Истину, иллюзия обладания которой делает людей нетолерантными  
и агрессивными. Постмодернистская философия не приемлет готовых истин, побуждает  
к размышлению, прислушивается к тому, что стоит за словами. Так, Барт заявляет, что  
«завтрашняя истина может быть точной изнанкой сегодняшней лжи»<sup>2</sup>.

И во-вторых, плюрализм, хотя фразу «истина в переменчивых человеческих вку-  
сах» можно трактовать еще и как зависимость истин от времени. В связи с этим значи-  
мо еще одно высказывание Л. Шестова: «Современные истины — все же суть только  
истины своего времени, и наши "убеждения" могут быть столь же ложны, как и веро-  
вания самых отдаленных предков наших»<sup>3</sup>. Такого же рода изречения мы находим и у  
Батая, где «время не означает ничего, кроме убегания всего, что казалось истинным»<sup>4</sup>.

Если изучить биографию и творческий путь Шестова, то можно сделать смелое  
заявление, что благодаря идеям русского философа постмодернизм получает свое разви-  
тие в области философии. Как известно, Батай, один из ранних представителей постмо-  
дернизма, был лично знаком с Львом Исааковичем, несомненно, разделял его философ-  
ские взгляды, помогал с переводом книги «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше»  
(1925) на французский язык, под его влиянием стал читать Достоевского, Ницше, Пас-  
каля и Платона. В философской автобиографии Жорж Батай пишет: «Когда я работал в  
Национальной библиотеке, я поступил в Институт восточных языков. Я начал изучать  
китайский и русский, достаточно быстро бросил учебу, но мне удалось познакомиться с  
русским философом Львом Шестовым. Меня покорило то, что Лев Шестов философст-  
вовал, исходя из Достоевского и Ницше. Вскоре у меня создалось впечатление, что я  
непоправимо отличаюсь от него основополагающей силой, влекущей меня. Тем не ме-  
нее, я его уважал... Именно ему я обязан знанием основ философии, которые, не буду-  
чи тем, что обычно подразумевают под этим понятием, не потеряли в конечном итоге  
свою реальность. С первых шагов лень и иногда максимализм отодвигали меня с пря-  
мого пути, на который он меня наставлял; я и сейчас с волнением вспоминаю все то,  
что я узнал, слушая его, в частности, что жестокость человеческой мысли — ничто, ес-  
ли она не является ее завершением. Мысль Льва Шестова отдаляла меня от этой конеч-  
ной жестокости, конец которой я сразу увидел в Лондоне: так или иначе, я должен был  
отойти от Шестова, однако меня восхищает его терпение по отношению ко мне, в то  
время умевшему изъясняться в виде некоего печального бреда»<sup>5</sup>. Даже манера письма у  
авторов схожа, и я склонна усматривать параллель между «Апофеозом беспочвенно-  
сти» Шестова и «Внутренним опытом» (1943) Батая. Скорее всего, Батай был знаком с  
«Апофеозом», а «Опыт адогматического мышления», судя по всему, не мог оставить  
французского мыслителя равнодушным. Батай не мог обойти его, он впитал в себя шес-  
товские воззрения, но вышел на другой уровень автономности. Если автономия Шесто-  
ва замыкалась в собственном сознании, то автономность Батая представляется откры-  
той, не прячущейся, не стыдящейся себя, она выплескивается наружу. «Внутренний  
опыт, — пишет Батай, — это экстаз, а экстаз, как кажется, это сообщение, которое про-

<sup>1</sup> Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М.: Флинта; Паука. 2001. С. 70.

<sup>2</sup> Барт Р. Мифологии. Пер. С.Н. Зенкина: М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. С. 285.

<sup>3</sup> Шестов Л.И. Достоевский и Ницше / Сочинения. С. 37.

<sup>4</sup> Батай Ж. Внутренний опыт. Пер. С.Л. Фокина. СПб: Аxioma; Мифрил. 1997. С. 140.

<sup>5</sup> Батай Ж. Литература и Зло. Пер. Н.В. Бунтман и Н.Г. Домогацкой. М.: Изд-во МГУ. 1994. С. 7.

тивится сосредоточенности на себе... сама идея сообщения оставляет тебя в наготе, в полном неведении»<sup>1</sup>.

Постмодернизм основу своего мировоззрения заимствует у экзистенциализма, где мир — абсурд, а жизнь — способ его преодоления. Тема абсурда пронизывает и творчество Шестова, именно абсурд дает возможность иного прочтения реальности, реальность представляется кошмарным сном, чем-то неуловимым: ценности разума превращаются в пустые слова.

Шестов в своих размышлениях ставит под вопрос существование реальности, той, в которой живет сознание человека. А сознание человека до сих пор находится под властью разума, который подчиняет, принуждает и отбирает у человека всяческую свободу, прежде всего, свободу выбора. Шестов не приемлет такой реальности и говорит, что «наука и философия принимают невольную симуляцию за действительность»<sup>2</sup>. «Легенды и мифы — наша повседневная атмосфера. Мы живём в царстве призраков и боимся больше всего на свете хоть чем-нибудь нарушить торжественную гармонию замороженного царства. А меж тем... а меж тем, как мучительно невыносимым становится для иных этот тысячелетний сон. Потребность проснуться, высказаться, назвать заповедные тайны своим именем растёт»<sup>3</sup>. Т.о., получается, что мы живем лишь в симуляции действительности.

Те же попытки расправиться с такой реальностью принимает и Ж. Батай в книге «Литература и Зло»: «Существуют два способа взбунтоваться против реального мира, где царствует разум, и мира, который зиждется на стремлении выжить. Самый распространенный и актуальный — это подвергнуть сомнению разумность мира»<sup>4</sup>. У Бодрийяра в книге «Соблазн» встречается та же идея симуляции, однако для него вообще нет истинной реальности, как и самой истины, «жить можно только идеей искаженной истины». «Это, — подчеркивает он, — единственный способ жить истиной. Иначе не вынести (потому именно, что истины не существует)»<sup>5</sup>.

В книге «Афины и Иерусалим» Шестов остро почувствовал дух надвигающихся перемен, он предвкушал свержение разума с его центральных позиций. Современная ему ситуация вот-вот разорвется «атомной бомбой», перемешав все вокруг, сотрет все «границы между», но большинство не хочет этого признавать, оно еще спит, укрытое «одеялом разума», «ему спать хочется, а кто-то пристаёт: проснись, — пишет Шестов. — И чего сердятся? Все равно вечно спать нельзя. Не я растолкаю (на это, правду сказать, я и не рассчитываю), все равно придет час и кто-то другой уже не словом, а иначе, совсем иначе, станет будить, и кому проснуться полагается, тот проснется»<sup>6</sup>. Это «пророчество Шестова» не заставило себя долго ждать, и позиции вездесущего разума подточила сама наука. Открытия, сделанные физиками, показали значимость исключений, а не правил, заявив, что особую роль играют случайности. Лиотар в «Состоянии постмодерна» констатирует, что «расчету поддается только вероятность, что это выска-

<sup>1</sup> Натай Ж. Внутренний опыт. С. 32-33.

<sup>2</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 295.

<sup>3</sup> Шестов Л.И. Великие кануны / Собр. соч. В 2-х т. Томск: Водолей. Т. 2. 1992. С. 276.

<sup>4</sup> Натай Ж. Литература и Зло. С. 20.

<sup>5</sup> Бодрийяр Ж. Соблазн. М: Ad Marginem, 2000. С. 115.

<sup>6</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 349.

звание будет скорее о том-то, а не о том-то»<sup>1</sup>, а модель броуновского движения, чья особенность, как известно, заключается в том, что все возможные направления равновероятны, применима ко всему обществу. Обоснованность знания теперь кроется не в нем самом, «не в субъекте, который развивается через актуализацию своих возможностей познания, а в практическом субъекте, каковым является человечество. Основой, приводящей народ в движение, является не знание с его самолегитимацией, а свобода с ее самообоснованностью или, если хотите, с ее самоуправлением»<sup>2</sup>. «Знание больше не является субъектом, оно ему служит»<sup>3</sup>. Знание постмодернизма теперь знание свободное от истин разума, оно не претендует на абсолют, знание творится и производится человеком, знание выступает не как данность и предзаданность, а как особый род творчества, поиск. В этом контексте можно рассматривать и изречение Шестова о том, что «наши знания должны определяться не важностью и значительностью предмета, а условиями, при которых этот предмет нам открывается»<sup>4</sup>. Таким образом, у него так же, как впоследствии у постмодернистов, суть знания должна сводиться к поиску; лишь в поисках, творческих муках, может родиться знание, от предзаданности знания нужно освобождаться, т.к. «знание вообще не может быть источником последней, окончательной истины» .

Интересную параллель между философией Шестова и постмодернизмом можно провести, если обратиться к вопросу о границах и порогах сознания. «Есть некоторая граница, за которой человек руководствуется уже не общими правилами логики, а чем-то иным, для чего люди еще не подыскали и, верно, никогда не подыщут соответствующего названия». Здесь точка опоры Шестова. Если вспомнить его анализ Толстого и Достоевского, то он направлен как раз на такие пограничные, а точнее, «заграничные» состояния, как безумие и умирание. Именно в тех потусторонних областях, и в сознании дрейфующих туда людей перестают действовать привычные правила. Это уже не «героический экзистенциализм», а нечто более искушенное, близкое по духу к таким авторам, как Батай, Бодрийяр, Фуко и др. В произведении «Достоевский и Ницше» Шестов как раз отзывается о безумии как о пограничном состоянии, куда человек попадает поневоле, и раз оказавшись там, он «начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать», прежние абсолютные истины кажутся ему теперь чем-то чуждым, лживым, нелепым и смешным, здесь начинается «философия трагедии»<sup>5</sup>. Безумие сродни ненормальности, «страшный призрак "ненормальности" все время давил и давит колоссальный ум и заставляет его мириться с посредственностью, в себе самом искать посредственности». Идея безумия будет развиваться в творчестве постмодернистов. Так, в книге «История безумия в классическую эпоху» Фуко объявляет: «в наши дни человек обладает истиной лишь в загадке безумца, каким он является и каким не является»<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 138.

<sup>2</sup> Там же. С. 88.

<sup>3</sup> Там же. С. 90.

<sup>4</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 374.

<sup>5</sup> Шестов Л.И. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Сочинения. С. 401.

<sup>6</sup> Шестов Л.И. Достоевский и Нитше. С. 21.

<sup>7</sup> Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. И.К. Стаф. СПб.: Рудомино. 1997. С. 516.

Проблема «ненормальности» закладывает фундамент в построение нового, иного, другого мирозерцания, но «весь ужас в том, что никто, решительно никто из ныне живущих, по-видимому, сам не в силах долго выносить мысль о возможности иного миропонимания»<sup>1</sup>. «Возможность иного миропонимания» у Шестова может указывать на свойственный постмодернизму плюрализм. Как мы знаем, в постмодернизме существует множество самых различных и противоречивых теорий, но важная его особенность не только в релятивизме, а еще и в том, что в постмодернизме не может быть консенсуса, ибо его присутствие может означать конец философии. Суть философии в бесконечных исканиях, исканиях не похожих друг на друга, эти искания не могут быть сведены к общему знаменателю, они вне власти абсолюта. В «Апофеозе беспочвенности» звучит подобная идея: «перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше»<sup>2</sup>.

Постмодернизм, по мнению С. Корнева, можно рассматривать с двух сторон: постмодернизм как явление западной культуры, и постмодернизм в восточном варианте. Главным критерием оценки этих двух направлений будет логика. Если в западном постмодернизме логика, как таковая исчезает, мир теряет смысл, главенствующим в нем становится хаос, то в восточном варианте постмодернизма логика никуда не испаряется, автор нарочито подчеркивает помощь западного постмодернизма в становлении самостоятельного восточного мира постмодернизма. В этом случае значима его позиция отношения России к восточному миру: он видит воплощение восточного постмодернизма в русском мировоззрении. Если «постмодернизм — это полное крушение культурной логики Запада и западной рациональности», то восточному человеку постмодернизм дает шанс победить западную культуру в самом себе, победить западную рациональность, деформирующую его сознание, с помощью западного же противоядия. «Если западный постмодернизм — это просто игра и бессмыслица, то восточный — это логика, скрытая под маской игры и бессмыслицы». Такого рода логику следует понимать как логику дзэнского коана — «это логика абсурда, которая взламывает привычные нормы здравого смысла, застарелый лед «нормальной рациональности», а затем, балансируя на этих обломках, ведет человека к просветлению». Там, где умирает логика Запада, возрождается логика Востока, появляется «мышление между строк», тот абсурд, который кажется западному миру нелогичным, безрассудным, обретает в восточном мире «надрациональную логику».

В этом же направлении я предлагаю рассматривать проблему логики в творчестве Шестова. Шестов не предлагает отказаться от логики, он лишь предлагает «логику отодвинуть на второй план»<sup>3</sup>, он выступает против логики разума, ибо разум принудительно насаждает нам свою логику: «допустите возможность сверхъестественного вмешательства — и логика растеряет столь привлекающие умы несомненность и общезначимость своих выводов»<sup>4</sup>; логика — это не самоцель и не единственный способ познания<sup>5</sup>, коим она себя объявила, и с этим нужно бороться. Именно борьба с западным рационализмом, с его логикой, занимающей центральные позиции в России, должна дать русской философии свободу. Отказавшись от логики Запада, русская фи-

<sup>1</sup> Шестов Л.И. Достоевский и Нитше. С. 19.

<sup>2</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 241.

<sup>3</sup> Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. С. 215.

<sup>4</sup> Там же. С. 250.

<sup>5</sup> Там же. С. 243.

лософия обретет силу и могущество, обретет «иное миропонимание», которое и позволит ей «мыслить между строк». Критику «логоцентризма» мы также встречаем у Деррида, как «способ помещения логоса/разума/дискурса в центр всего, и как способ определения самого логоса в качестве центрирующей, собирающей силы»<sup>1</sup>; у него, как и у Барта, критика «логоцентризма» перейдет в известный тезис постмодернизма о «смерти автора» и «смерти субъекта».

Философские произведения Шестова часто рассматривают как «одноидейное» творчество, прослеживая в нем лишь борьбу с властью необходимости, всевластием разума. Но не есть ли эта «моноидейность» та самая «надрациональная логика» восточного постмодернизма? Да, можно усматривать в философии Шестова подчиненность всех его суждений идее борьбы с необходимостью, прослеживая во всем логическую связь. Но можно взглянуть на это и по-другому, тогда подчиненность представится не логическим центром, а творческой интуицией автора, ведь для него важно не просто сместить разум, а показать один из возможных путей его преодоления. Для постмодернизма свойственна фрагментарность текста, ту же фрагментарность замечаем у Шестова в «Апофеозе беспочвенности». Текст разбит на фрагменты, он один большой концепт, в котором находятся различные другие концепты, они часто кажутся не связанными между собой, ни сюжетной линии, ни логической связи в них не просматривается, однако, именно этот текст мы рассматриваем как нечто целое, потому, что в нем как раз присутствует эта «надрациональная логика», творческая интуиция.

Я предлагаю рассматривать философию Л. Шестова вне рамок каких-либо направлений, и тогда откроется очень занимательная черта его творчества — оно содержит в себе элементы как экзистенциальные, так и постмодернистские. В этом я и вижу «предугадывание» русской философии: когда как таковой термин «постмодернизм» был еще неведом философии, в произведениях Л. Шестова уже можно найти зачатки его основных положений.

## **M.O. Ponomareva**

### **L.I. Shestov as predecessor of postmodernism**

In this clause the creativity L.I. Shestova, but not in spirit traditional for him,(it,) existenzial, and from positions postmodernism. The comparative analysis of ideas L.I. Shestova and western postmodernism, such as Bataille, Baudrillard and Liotard. The comparisons are made on the basis of the following products: «Apotheosis groundless», «Athenes and Jerusalem», «Internal experience», «Temptation», «A Condition postmodern» etc. The Author wants to show, that young enough postmodern of idea are completely not new, and their sources are in creativity L.I. Shestova, which not without the bases is announced predecessor of such direction of philosophy as postmodernism.

<sup>1</sup> Новейший философский словарь. Мн.: КНИЖНЫЙ ДОМ, 2003.